

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.2.11

**УПРАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНЫМИ РИСКАМИ
МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ**

**MANAGEMENT OF SOCIAL
RISKS IN THE
MODERNIZATION
PROCESSES**

Месхи Бебури Бесикович

Магистрант,
Московский государственный институт
международных отношений МИД России,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: bebur9696@mail.ru

Beburi B. Meskhi

Moscow State Institute
of International Relations
of the MFA of Russia,
Rostov-on-Don,
email: bebur9696@mail.ru

В статье анализируются типы модернизации, различающиеся по характеру объективно-материальных и субъективно-культурных факторов, однако во всех случаях производящие не только материальные блага, но и риски, которые конкретно рассматриваются в историко-социальном контексте. При переходе от традиционного к раннему индустриальному обществу зарождаются два типа рисков: на микроуровне – личностные риски; на макроуровне – риски в виде непредсказуемых природных опасностей, предполагавшие активную реакцию людей, становление первых подходов к управлению ими. Благодаря им данные риски во многом были преодолены практиками индустриального модерна, который, однако, нес в себе два новых типа рисков: на микроуровне – риски добровольного принятия опасных практик индустриализации; на макроуровне – риски раз-

The article analyzes the types of modernization that differ in the nature according to objective-material and subjective-cultural factors; but in all cases they produce not only material goods, but also risks that are specifically considered in the historical and social context. When passing from a traditional to an early industrial society, two types of risks emerged: at the micro level – personal risks; at the macro level – risks in the form of unpredictable natural hazards, suggesting an active response of people, working out the first approaches to risk-management. Thanks to them, these risks were largely overcome by the practices of industrial modernity, which, however, carried two new types of risks: at the micro level – the risks of voluntary acceptance of dangerous industrialization practices; at the macro level – the risks of development of the industry with detrimental hy-

вития промышленности с ущербными гигиеническими технологиями. Эти риски были более структурированы, ими можно было управлять посредством калькуляций и контроля, опираясь на научное знание. На нынешнем этапе рефлексивной модернизации возникают два типа сложных рисков: на микроуровне – риски институциональной индивидуализации; на макроуровне – риски в виде побочных эффектов современной, более совершенной модернизации. Для управления ими автор предлагает задействовать инструментарий инновационной социологической диагностики М.К. Горшкова, а также гуманистический поворот, который необходим не только в социологии, но и во всех науках.

Ключевые слова: модернизация; риски перехода от традиционного к раннему индустриальному обществу; риски индустриального модерна; риски рефлексивного модерна; инновационная социологическая диагностика; гуманистический поворот.

gienic technologies. These risks were more structured, and one could manage them through calculations and control relying on scientific knowledge. At the present stage of reflexive modernization, there have appeared two types of complex risks: at the micro level – the risks of institutional individualization; at the macro level – risks in the form of side effects of modern more advanced modernization. To manage them, the author suggests using as the tools of innovative sociological diagnostics of the academician of the Russian Academy of Sciences M.K. Gorshkov, as well as a humanistic turn that is necessary not only in sociology, but also in all sciences.

Keywords: modernization; risks of transition from traditional to the early industrial society; the risks of industrial modernity; the risks of reflexive modernity; innovative sociological diagnostics; the humanistic turn.

Модернизация – изначально возникающий на определенном уровне развития производительных сил и технологий процесс существенных социально-технических изменений, охватывающий все общество, типы рациональности, стили жизни, структуры власти и организации труда, образования, науки, в результате которого осуществляется переход от традиционных, аграрных к современным индустриальным обществам. Соответствующие радикальные изменения происходят в общественном сознании: с одной стороны, утверждаются идеи прогресса в виде торжества рационализма, всемогущества науки и техники, возможностей преодоления материальной нужды, что становится фактором инноваций, креативности и предпринимательства, а с другой – отказ от прежде функциональных ценностей и традиций ведет к появлению явных и скрытых «побочных воздействий». У. Бек, автор теории общества риска, отмечает, что с момента своего зарождения «процесс модернизации становится “рефлексивным”, т.е. становится сам своей темой и проблемой», ибо на вопросы развития и использования технологий «накладываются вопросы политического и научного “обращения” (обнаружение, предотвращение, сокрытие, вовлечение, управление) с рисками» (Бек, 2000. С. 22). Производители и потребители рисков обращаются с ними по-разному. Первые, как правило,

стремятся сокрыть их от общества, вторые же, главным образом ученые, отстаивают необходимость их обнаружения и предотвращения, т.е. выработки подходов к *управлению рисками*. На этом пути одни риски минимизировались и преодолевались, но появлялись новые, более сложные риски, побуждающие не только к усилению противодействия им, но и к выработке новых подходов к самим *типам модернизации*.

Риски перехода от традиционного к раннему индустриальному обществу

Ни одна модернизация не началась и не проходила сколько-нибудь функционально для социума без наличия *материальных условий*, что обосновал К. Маркс. Свои идеи на этот счет он концентрированно изложил в работе «К критике политической экономии»: «Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (Маркс, 1959. С. 6). Этими словами Маркс подчеркивает значимость *материальных объективных реалий* (развитие производительных сил, научного и технического знания) для модернизационных процессов современного капиталистического общества.

Вместе с тем для модернизации необходима *культурная, духовно-этическая готовность субъективного фактора*, на важность чего указывал М. Вебер. Он показал взаимосвязь протестантских религиозных ценностей и развития духа капитализма, утверждая, что в странах, где эти ценности доминировали, быстрее и легче утверждались капиталистические отношения. Модернизационные процессы успешно реализовывались там, где «капитализм, достигший господства в современной хозяйственной жизни, воспитывает и создает необходимых ему хозяйственных субъектов – предпринимателей и рабочих». Однако этому процессу активно противостоял традиционализм: традиционный человек «“по своей природе” не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык... Повсюду, где современный капитализм пытался повысить “производительность” труда путем его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычно упорное сопротивление» (Вебер, 1990. С. 76, 81). При всех

различиях взглядов Маркса и Вебера на модернизацию, они были едины в том, что основным её субъектом является *народ*, его готовность к грядущим преобразованиям. При становлении капитализма ряд социальных групп трудящихся активно препятствовали экономико-технологическим инновациям. Так, в 1811 г. среди английских ремесленников зародилось движение *луддитов*, которые тайно уничтожали ткацкое оборудование. Позднее луддитами стали именоваться все, кто выступал против новых технологий и модернизации. Вместе с тем политическими инициаторами и интеллектуальными проводниками социально-экономических преобразований выступают *национальные элиты*, как правило, связывающие свои интересы с культурой модернизи, идеями прогресса, но национальная буржуазия могла оказаться противником курса экономической модернизации, если он противоречит ее интересам. Интеллектуальные элиты также могут противодействовать политике социокультурной и политической модернизации, если рассматривают ее как утрату национально-культурной идентичности.

В итоге общество оказалось расколотым на тех, кто был готов к рискам модернизации, и тех, кто им препятствовал. Так зародились два типа рисков. Первый – *личностные риски на микроуровне*, предполагавшие выборы *конкретных людей* в пользу инновационного образа жизни, хотя объективные условия жизни позволяли не рисковать, следуя традициям. Наиболее рельефно личностные риски проявлялись и утверждались по мере развития мореплавания. По мнению М. Вебера, именно в этой сфере жизнедеятельности людей зарождаются *рационализация неопределенностей, контроль случайностей и несчастий*, что проявилось в первых ростках страхования: «В большинстве случаев на одном судне перевозились товары многих купцов. Если в случае несчастья с корабля необходимо было выбросить часть груза за борт, то все участники терпели убытки сообща. Другой институт того же рода, морская ссуда, перешедшая из античного в средневековый мир, является следствием того, что морская торговля была сопряжена с чрезвычайно большим риском. Если выдавалась ссуда под идущие морем товары, то ни должник, ни кредитор в случае гибели корабля не могли рассчитывать на возмещение убытков. Поэтому они делили между собой риск... Чрезвычайно часто в морской ссуде под один корабль участвуют несколько заимодавцев с целью разделения риска». В результате формировались товарищества общего риска (Вебер, 2001. С. 194, 196). Личностные риски также присутствовали в *коммерческих проектах*, связанных с опасностями доставки товаров. До XIII в. торговец на суше таскал товары на собственной спине, двухколесной те-

лежке или использовал вьючных животных, рискуя попасть в руки разбойников. Неслучайно «плата за конвой, – замечает М. Вебер, – была одним из главных доходов придорожных жителей». Кроме того, были риски, связанные с конкурентной борьбой чужих и местных оседлых купцов за монополию на городском рынке, за предпринимательский простор как таковой (Вебер, 2001. С. 201).

Второй тип – *риски на макроуровне* в виде *непредсказуемых природных опасностей или бедствий* (засуха, наводнение, неурожай, голод). Опасность голодания – уже не личностные риски отдельных людей, а *проблема всего общества*, которая обретает *социокультурный* характер. «При голодании, – пишет П. Сорокин, – неизбежным своим следствием имеет изменение процессов, происходящих в организме, а через это – и изменение его двигательных реакций (актов) и всего поведения, что ведет, в свою очередь, – при массовой деформации поведения – к изменению социальных процессов» (Сорокин, 2003. С. 78). На них нужно было как-то реагировать. Голодание амбивалентно влияет на поведение людей. Одна часть общества, отмечает социолог, становится склонной к девиантному и даже преступному поведению: «измена своей группе и переход из-за куска хлеба в противоположный стан (в наше время – массовые переходы солдат и не солдат от “белых” к “красным” и обратно ради того, чтобы поесть)» (Сорокин, 2003. С. 176); в то время как другая – к моральному совершенствованию, проявлению актов самопожертвования, обращению к лучшему знанию и, соответственно, рискам и инновациям.

Общая черта этих двух типов зарождавшихся рисков – их *неисчисляемость*: с одной стороны, в то время не было социологических шкал, чтобы сравнить мужественные и рискогенные поступки людей; с другой – факторы природных опасностей виделись исключительно во *внешних силах*.

Риски индустриального модерна

Индустриальный модерн в широком смысле понимается как совокупность последовательных экономико-технических модернизаций и инноваций, представляет собой сложный комплексный процесс взаимосвязанных изменений мышления и жизнедеятельности людей. В сфере экономики индустриальный модерн предполагает внедрение усложняющихся технологий, которые становятся все более наукоемкими, переход к новым источникам энергии, углубление разделения труда (Дюркгейм, 1996). В сфере политики предполагается демократизация – изменение в функционировании властей на основе их разделе-

ния, развитие прав и свобод человека, однако с учетом реальных опасностей для социума включение широких масс в политические процессы. В социокультурной сфере происходит разрыв с сословными, кастовыми, клановыми и иными традиционными ограничениями, этнической и конфессиональной замкнутостью. Вместе с тем ни одна социокультурная модернизация не поднялась до духовного и нравственного возрождения человеческих отношений. Разумеется, эти тенденции подвержены социальной и культурной динамике, они могут *флуктуировать* соответственно историческому контексту (Сорокин, 2000). Особо радикальные изменения начинают происходить в *науке и технологиях*. Неслучайно квинтэссенция индустриального модерна нашла свое выражение в эпохе Просвещения, представители которой были преисполнены верой в силу *рационализма*, утверждали доминирующую роль *разума и науки* в мыслях и действиях. Они исходили из того, что наука всемогуща, а опасности, социальные неравенства и другие катаклизмы связывали с «отсталыми» формами знания. Все это работало на то, чтобы утвердить *новые типы рисков и рациональный подход* к ним.

У. Бек различает *два типа рисков, адекватных индустриальному модерну*. Первый (микроуровень) – *риски добровольного принятия опасных практик индустриализации*, которые затронули как профессиональную, так и быденную жизнедеятельность людей. Среди них – массовый переезд сельских жителей в города, работа на заводах, фабриках, шахтах, которую, однако, не всем удавалось получить. Отсюда – риск бедности для значительной части населения XIX в., как тех, кто сделал выбор в пользу традиционализма и остался жить в деревне, так и тех, кто переезжал в город. «Новые городские», которым удавалось трудоустроиться, были малообразованными и особо подвергались *рискам квалификации и рискам здоровья*. Эти риски стали темой *рационализации* в научном знании. Его представители были уверены, что рискогенная деятельность может быть эффективной даже в условиях неопределенности. На формирование таких взглядов в Европе существенное влияние оказали всевозможные парадигмы позитивистской социологии, представители которых ратовали за открытие «объективных» законов общественного развития и эмпирических, достаточно валидных методов анализа социума (Кравченко, 2014. С. 78–104, 162–179). В принципе эти риски можно было *посчитать и финансово компенсировать*, от них можно было защититься определенным образом (страхование жизни и здоровья); они понимались как «*вычисляемая неопределенность*».

Впервые проблему рационального поведения людей в условиях риска и неопределенности поднял американский экономист Ф. Найт в работе «Риск, неопределенность и прибыль». Ученый исходил из того, что рациональный индивид, использующий инструментальный формальной логики, математических исчислений, статистических данных, мог эффективно адаптироваться к неопределенностям модерна. Он был убежден в том, что в большинстве случаев неопределенность *можно измерить, калькулировать* и тем самым создать *рациональный механизм управления рисками*: «Неопределенность, которая каким-либо методом может быть сведена к объективной, количественно измеряемой вероятности, может быть совершенно устранена с помощью группировки случаев. В деловом мире разработаны некоторые организационные приемы для осуществления такой группировки, и в итоге при достаточно развитой технике организации бизнеса доступная измерению неопределенность не создает в деловой сфере подлинной неопределенности» (Найт, 1994. С. 26). При этом, по Ф. Найту, термин «риск» используется для обозначения *измеряемой неопределенности*, а понятие «неопределенность» – для неизмеряемой неопределенности: «Практическая разница между категориями риска и неопределенности состоит в том, что в первом случае распределение результатов в группе известно (что достигается путем априорных вычислений или изучения статистики предшествующего опыта), а во втором – нет» (Найт, 1994. С. 27). Так закладывались основы *рискологии*, формировавшей подходы к управлению рисками, которая отличалась *реализмом, прагматизмом и полезностью*. Она работала на становление *института страхования*, также позволявшего управлять рисками.

Второй тип рисков (макроуровень) – *риски развития промышленности*, но «недостаточной обеспеченности гигиеническими технологиями» (Бек, 2000. С. 24) – возникли *явные опасности*, воспринимавшиеся органами чувств (всевозможные яды, испарения, запыления как побочный продукт несовершенства технологий). У. Бек приводит такой пример: матросы, которые в XIX в. попадали в Темзу, погибали не потому, что тонули, а потому что задохнулись от испарений и ядов лондонской клоаки, в которую стекали все отходы фабрик и заводов (Бек, 2000. С. 24).

Эти риски также можно было более или менее точно *калькулировать* и *контролировать* с помощью научного знания. Ими сразу же начали управлять, внедряя технологические инновации и минимизируя побочные эффекты несовершенства индустриального модерна. Тому способствовало и то обстоятельство, что это были все же *относитель-*

но простые риски – они выявлялись органами чувств и были локализованы в определенном пространстве и времени. Достаточно легко обнаруживались источники рисков, виновные в их производстве. В значительной степени эти риски сегодня преодолены. При этом учеными были сделаны принципиальные выводы: *ответственность* за них связывалась не с внешними силами, а с *человеческим фактором*; стало очевидным и то, что не может быть «чистой», нерискогенной модернизации – увеличивающееся производство материальных благ влечет за собой, соответственно, увеличение рисков.

Риски альтернативных и рефлексивных модернизаций

Принято выделять два основных типа модернизации: первый – *органическая, или эндогенная, модернизация*, осуществляемая на основе материальных и субъективных предпосылок, сложившихся внутри общества. Такая модернизация проходила в XVII–XVIII вв. в странах Запада – Англии, Голландии, США. Ее последствия, как мы показали выше, были амбивалентны. С одной стороны, имел место процесс рационализации всей общественной жизни, рост производства и потребления материальных благ, что вело к интенсивному градостроительству с соответствующей инфраструктурой, включая новые возможности для образовательной, научной и интеллектуальной деятельности значительных слоев населения. Однако, с другой стороны, увеличивалось социальное расслоение, риск-производители богатели, а риск-потребители беднели. Эти неоднозначные результаты индустриальной модернизации породили идеи перехода к *альтернативным типам модернизации*. Как известно, М. Вебер и др. ратовали за капиталистическую версию модернизации, основанную на внедрении *формальной рациональности* во все сферы общественной жизни. К. Маркс и его сторонники – за социалистическую модернизацию, делавшую акцент на значимости социальной справедливости.

Второй тип – *неорганическая, экзогенная, или догоняющая, модернизация* – возник как рефлексия на внешние вызовы, связанные с экономическим и политическим давлением более развитых стран. После Второй мировой войны догоняющая модернизация стран, освободившихся от колониальной зависимости, была обусловлена возникновением двух сверхдержав – СССР и США, которые побуждали развивающиеся страны, как правило, не готовые ни в материальном, ни в культурном плане к самостоятельному осуществлению модернизации, к ее принятию в социалистической или капиталистической версии. Естественно, навязанная извне модернизация была неадекватна соци-

ально-экономическим и культурным условиям этих стран, нарушала историческую преемственность их развития, производила еще более сложные риски. Данный тип модернизации предполагал ориентацию порой на неоправданное заимствование институциональных и культурных образцов у передовых обществ (Зарубина, 1998).

Однако в целом эти версии модернизации не выдержали испытание временем, не привели к сбалансированным структурно-функциональным преобразованиям. Главной причиной неудач является отсутствие функциональности новых институтов, ценностей и норм на месте разрушающихся старых. Основные противоречия вызваны не сосуществованием разных типов общественных институтов и систем ценностей (традиционные и модернизированные, эндогенные и заимствованные), а отсутствием общего достаточного уровня их взаимодействия, что обеспечивает живучесть и функциональность общества. И. Валлерстайн отмечает, что данный тип модернизации, по существу, являлся инструментом эксплуатации бедных стран богатыми, ограничивая их властные и структурные возможности. Исторически он исчерпал себя в 50–60-е гг. XX в. (Wallerstein, 1976), что дало толчок распространению идей обоснования *альтернативности и плюрализма модернов* и, соответственно, возможности принципиально иных типов модернизации, более адекватных материальным и субъективным факторам конкретных стран. А. Турен предложил концепцию контрмодернизации в виде альтернативного варианта развития, ориентированного на те же цели, что и модернизация, но осуществляемый принципиально *незападными методами*, а также на основе иных ценностей и норм (Touraine, 1988). Возникла также концепция *синтетической модернизации*, основанная на интеграции современных рационально-технологических ценностей и институтов с традиционными, самобытными основами западных обществ, что предполагает учет социокультурной национально-культурной специфики как важнейшей предпосылки эффективности преобразований. Одна из базовых посылок этой концепции состоит в том, что переход к современным формам социально-экономического и культурного бытия должен осуществляться при опоре на собственные силы.

На рубеже XX–XXI вв. в связи с тенденциями глобализации начались качественно новые модернизационные процессы в виде *рефлексивной модернизации*, адекватной современному обществу риска, квинтэссенция которого, считает У. Бек, проявляется в самокритичности общества: «В нем всегда сопровождаются соотнесенности и предпосылки критики в форме рисков и опасностей. Критика рисков – это

не нормативная критика ценностей. Именно там, где традиции и ценности *пришли в упадок*, как раз и возникают риски. Основой критики являются не столько традиции прошлого, сколько угрозы будущего» (Бек, 2000. С. 271).

Все ныне существующие альтернативные типы модернизации оказались существенно подверженными рефлексивной модернизации. Соответственно, для рефлексивной модернизации и общества риска характерны *принципиально новые два типа рисков*. Первый (микроуровень) – *риски институциональной индивидуализации*. В отличие от *личностных рисков*, когда можно было выбирать: рисковать или нет, новые риски рождены, подчеркнем, *институтами* рефлексивного модерна, которые не оставляют для людей иного выбора, как *рисковать* буквально во всех сферах общественной жизни. Социолог выделяет следующие факторы, воспроизводящие риски институциональной индивидуализации: 1) сбылось предвидение Т. Парсонса, согласно которому в традиционном обществе осуществляется «ориентация на коллектив», а в современном – «ориентация на себя» (Парсонс, 2002. С. 136). Под влиянием современных институтов рефлексивного типа утверждается *ориентация на себя* – «люди освобождаются от классовых отношений и форм обеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с её рисками, шансами и противоречиями» (Бек, 2000. С. 106). По существу, институты рынка и демократии *принудительно высвобождают* индивида не только из устоявшихся социально-классовых отношений, но и из патернализма брачно-семейных отношений; 2) «возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни» (Бек, 2000. С. 106); 3) трудовая деятельность обретает все более рискогенный характер в силу развития процесса индивидуализации, чем это было в индустриальном модерне, – увеличивается явная и латентная безработица, полная занятость вытесняется неполной, развитие получают гибкий рабочий день, скользящие графики работы, что оборачивается «индивидуализацией социального неравенства» (Бек, 2000. С. 107, 108); 4) «спираль индивидуализации проникает и внутрь семьи... Рождается тип “договорной семьи на время”, когда уже сложившиеся индивидуальности вступают во временной противоречивый союз с целью регуляции эмоционального обмена» (Бек, 2000. С. 108); 5) если моральный контроль традиционного общества минимизировал личностные риски посредством много-

численных табу, то ныне он заменяется «самостоятельной проработкой», осуществляемой тогда, когда случается «личный сбой» – провал на экзаменах или развод (Бек, 2000. С. 200); 6) «индивиды внутри и вне семьи становятся основными действующими лицами в обеспечении своего определяемого рынком существования и связанного с этим планирования и организации собственной биографии» (Бек, 2000. С. 109); 7) «модернизационные риски и опасные ситуации приводят к появлению гражданских инициатив и социальных движений» (Бек, 2000. С. 109), что способствует рефлексии относительно различных форм молодежной субкультуры.

Второй тип рисков (макроуровень) – новая генерация *сложных рисков рефлексивного модерна*, которые представляют собой *побочные эффекты* современной, *более совершенной модернизации*. Эти риски – «*в общем и целом продукт* передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут *постоянно усиливаться*» (Бек, 2000. С. 24). Данные риски выходят за пределы пространства конкретных предприятий и времени их функционирования и обретают *глобальный вневременной характер*. Они возникают на «самой высокой ступени развития производительных сил», которые имеют дело с *веществами, недоступными для восприятия органами чувств*, – Норвегия и Швеция сами почти не обладают промышленностью с ядовитыми отходами, но расплачиваются умирающими лесами и растениями, вымирающими видами животных «за ядовитое производство других индустриально развитых стран» (Бек, 2000. С. 24). Эти риски побудили к «переоткрытию» *социальной дифференциации* людей в масштабах как общества, так и планеты. С одной стороны, они *усиливают традиционное классовое неравенство*: «История распределения рисков показывает, – пишет Бек, – что риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски – в низших» (Бек, 2000. С. 40–41). Однако, с другой стороны, «им присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества. Богатые и могущественные от них тоже не защищены... В классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие» (Бек, 2000. С. 26). Социолога особо беспокоит то, что в этом сознании доминирует «*организованная безответственность*», основанная на принципе «человек – покоритель и хозяин природы», которая выражается в парадоксе: все более и более идет процесс природной деградации, принимаются все новые законы об окружающей среде, но ни индивиды, ни институты специально *не отвечают* за проис-

ходящее. Поэтому «общество риска есть *общество, чреватое катастрофами*. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» (Бек, 2000. С. 27). Как видно, речь идет о становлении весьма *сложных рисков*.

На наш взгляд, для управления сложными рисками общества риска требуется их *принципиально новая социологическая диагностика*. Академик РАН М.К. Горшков является создателем уникального теоретико-методологического инструментария социологической диагностики инновационного типа. Усложняющиеся реалии модернизации побудили его осуществлять диагностику российского социума, выделяя как базисные (ментально-ценностные характеристики россиян), так и ситуативные факторы (вектор и параметры динамики социокультурного развития). Диагностика также учитывает конкретные возможности задействования всех ресурсов общества, его экономического, духовного, нравственного, социокультурного и психологического потенциала в моделях ускоренного экономического развития страны до 2030 г., что позволяет не только оценивать нынешнее состояние России, но и прогнозировать её будущее (Горшков, 2016. С. 9). Инструментарий данной социологической диагностики, на наш взгляд, можно применить к исследованию меняющейся природы рисков, что позволяет ими эффективно управлять даже в условиях турбулентности социума (Кравченко, 2012. С. 6–13). И, пожалуй, самое главное – необходим *гуманистический поворот* не только в социологии (Кравченко, 2013. С. 12–23), но и во всех науках. Ведь знание, согласно современным трактовкам, выступает как «обобщенная способность к действию и как модель для реальности» (Adolf, 2017. P. 18). От характера нашего знания в конечном счете зависят не только наши возможности управлять сложными рисками, но и наше будущее.

Литература

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Вебер М. История хозяйства. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016.

References

- Bek, U. (2000). Risk Society. On the way to another modernity. M.: Progress–Traditsiya.
- Veber, M. (2001). History of the economy. M.: KANON–press–Ts, Kuchkovo pole.
- Veber, M. (1990). Protestant ethics and the spirit of capitalism. *Izbrannyye proizvedeniya*. M.: Progress.
- Gorshkov, M.K. (2016). Russian society as it is: (experience of sociological diagnosis). In 2 vols. Vol. 1. In Gorshkov M.K. (Ed.). M.: Novyy khronograf.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998.

Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1.

Кравченко С.А. К итогам X Конференции ESA // Социологические исследования. 2012. № 3.

Кравченко С.А. Социология : в 2 т. Т. 1 : Классические теории через призму социологического воображения : учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1959.

Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // Альманах THESIS. 1994. № 5.

Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.

Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia&LVS, 2003.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000.

Adolf M., Stehr N. Knowledge. L.; N. Y.: Routledge, 2017.

Touraine A. Modernity and Cultural Specificities // International Social Science Journal. 1988. № 118.

Wallerstein I. Modernization: Requiest in Pace // The Users of Controversy in Sociology / Coser L.A., Larsen O.N. (eds). N.Y.: Free Press, 1976.

Djurkgejm, `E. (1996). On the division of social labor. M.: Kanon.

Zarubina, N.N. (1998). Socio-cultural factors of economic development: M. Weber and modern theories of modernization. SPb.: RHGI.

Kravchenko, S.A. (2013). The demand for a humanistic turn in sociology. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, No. 1.

Kravchenko, S.A. (2012). To the results of the Xth ESA Conference. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, No. 3.

Kravchenko, S.A. (2014). Sociology in 2 vols. Vol.1. *Classical theories through the prism of sociological imagination. A Textbook for Academic Bachelor's Degree*. M.: Yurayt.

Marks, K., `Engel's F. (1959). Compositions, 2d ed. Vol. 13. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Nayt, F. (1994). The concepts of risk and uncertainty. *Al'manah THESIS*, No. 5.

Parsons, T. (2002). About social systems. M.: Akademicheskiy proekt.

Sorokin, P. (2003). Hunger as a factor. The impact of hunger on people's behavior, social organization and social life. M.: Academia & LVS.

Sorokin, P.A. (2000). Social and Cultural Dynamics: Investigating Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Public Relations. SPb.: ZKHGI.

Adolf, M., Stehr, N. (2017). Knowledge. London and New York: Routledge.

Touraine, A. (1988). Modernity and Cultural Specificities. *International Social Science Journal*. Nov., No 118.

Wallerstein, I. (1976). Modernization: Requiest in Pace. In Coser, L.A., Larsen, O.N. (Eds). *The Users of Controversy in Sociology*. N.Y.: Free Press.

Поступила в редакцию

14 января 2018 г.